

ПРИЧАСТНИК
БОЖЕСТВЕННОГО СЕРДЦА

СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИК
И ЦЕЛИТЕЛЬ

ПАНТЕЛЕИМОН

Андрей И. Плюснин
Святой великомученик
и целитель Пантелеимон
Серия «Причастники
Божественного света (Благовест)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9293253

Святой великомученик и целитель Пантелеимон. / Сост. Плюснин А.

И.: Благовест; Москва; 2013

ISBN 978-5-9968-0293-7

Аннотация

В этой книге рассказывается о жизни и многочисленных прижизненных и посмертных чудесах святого великомученика и целителя Пантелеимона, прошедшего спасительный путь приближения и уподобления Господу Богу. Он был милостивым, и всем сердцем хотел помочь людям больным, страдающим, нуждающимся в его помощи. В книге повествуется и о Русском Пантелеимоновом монастыре на Афоне, где покоится честная глава святого великомученика, и о пребывании ее в Москве в 1996 году. Приводится также Акафист великомученику и отрывок из книги Б. К. Зайцева «Святой Афон» о монастыре святого

Пантелеимона. Книга рассчитана на широкий круг православных читателей.

Содержание

Предисловие	6
Часть I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	29

**Святой великомученик
и целитель Пантелеимон
Составитель Плюснин А. И**

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Рус-
ской Православной Церкви (ИС 13-222-1863)*

Предисловие

Каждый день святая Церковь, а вместе с ней и верующие люди совершают память святых угодников Божиих. Делается это для того, чтобы мы обращались к ним с молитвой и, научаясь их добродетелям, освящались их святостью. Так происходит не потому, что мы лишены возможности обращаться непосредственно к Богу или что Господь в таком случае не слышит нас. Он вселюбящий Отец и принимает всякого приходящего к Нему, но воля Его такова, чтобы мы, обращаясь к святым, общались с ними и соединялись в Нем, а размышляя об их святости, думали о своей жизни, цели и призвании. Возможность общения со святыми в единой христианской семье в вере и любви, в чистоте и святости, в молитве – это дар Божий, за который необходимо благодарить Господа.

Жизнь великомученика Пантелеимона и показывает нам этот истинный путь приближения и уподобления человека Богу. Бог не только велик и славен, и силен, Он еще и милостив. И святого Пантелеимона мы называем «подражателем Милостивого». Ведь он был милостивым и всем сердцем хотел помочь людям больным, страдающим, нуждающимся в его помощи. Всего себя, как врач безмездный, он отдавал людям, потому, что любил людей. Помощь великомученика больным превзошла силу земного врачевания, он стал

врачом благодатным. Святой Пантелеимон смог уподобиться Богу в Его силе, а вместе с Божественной силой пришла и слава. Слава не земная и преходящая, а та, которой прославляет человека Бог.

Мы смотрим своим внутренним взором на жизнь святого Пантелеимона и видим, что он уподоблялся Богу в том, что человеку доступно, а Бог дал ему и то, что человеку недоступно. Больше полутора тысяч лет назад жил святой великомученик Пантелеимон, но мы и ныне прославляем его и просим его помощи. А он слышит наши молитвы и имеет силу помочь нам.

Почитание святого в Русской Православной Церкви известно с XII века: великий князь киевский Изяслав, во святом крещении Пантелеимон (ок. 1097–1154), имел изображение святого на шлеме и его заступлением остался жив в войну 1151 года. Великомученик Пантелеимон почитается Православной Церковью как небесный покровитель воинов и милостивый целитель. Бесчисленны свидетельства русской истории об исцелениях святым Пантелеимоном болящих, а также о прекращении по его предстательству пред Богом страшных моровых поветрий и эпидемий. Ведущие духовную брань также прибегают к святому с мольбой об исцелении душевных язв. Святые мощи великомученика Пантелеимона частичками разошлись по всему миру, а его честная глава с XIV века хранится в Русском Пантелеимоновом монастыре на Афоне.

Так будем же благодарны Богу, дивному во святых Своих, и в молитвах к святому великомученику и целителю Пантелеимону будем просить для себя милости Божией, мира, чистоты, святости и чтобы он исцелил нас душевно и телесно.

Все замечания и пожелания читателей будут с благодарностью приняты Издателем.

Андрей Плюснин

Часть I

Житие великомученика Пантелеимона

(переведено святителем Феофаном из Метафраста. Сличено и с свт. Димитрием)

Когда в царствование Максимиана, лютого христиан мучителя, великое всюду належало на верующих во Христа гонение, и исповедники пресвятого имени Иисуса Христа в большом количестве были избиваемы по всем градам и весям, пострадал в Никомидии, городе Вифинском, и святой великомученик Пантелеимон. Сей великий и дивный между мучениками страстотерпец Христов в сем же городе родился от отца, сановитого и богатого, именем Евсторгия, и матери Еввулы. Отец его был предан идолопоклонническому нечестию и истово прилежал ему; мать же была христианка, от прародителей наученная святой вере, и усердно работала Христу Господу. Таким образом, они, будучи соединены телесно, до противоположности разделены были духом: тот служил ложным богам, а эта единому истинному Богу приносила жертву хвалы.

Родивши сего, о коем предлежит нам слово, первенца своего, они дали ему имя Пантолеон, что означает – «по все-

му лев», как имевший льву уподобиться мужеством. Но после он был свыше переименован в Пантелеимона, т. е., все-милостивца, когда показал себя ко всем милостивым, исцеляя безмездно всякие болезни и неоскудно помогая нуждающимся из оставшегося ему от отца имения.

Пока был еще Пантолеон в детстве, мать воспитывала его в христианском благочестии, научая его познавать единого истинного Бога, на небесах сущего, Господа нашего Иисуса Христа, веровать в Него и угождать Ему добрыми делами, а идольского многобожия всячески отвращаться. Отрок усердно внимал материнскому учению и отчасти понимал его, сколько доступно оно отроческому разуму. Но, к прискорбию, недолго пришлось ему пользоваться попечением матери, потому что она скоро отошла ко Господу, оставив дитя свое незрелым и по возрасту, и по разуму. По смерти же ее отрок, естественно, пошел вслед отцова заблуждения, будучи водим им к идолам и учим их нечестию.

Затем пришло отроку время обучения, и отец сначала отдал его учиться грамматике, а потом и другим наукам. Когда же увидел, что он довольно уже успел в этих науках и в греческой словесности, вручил его славному в то время врачу Евфросину, учиться врачебному искусству. Здесь он, по быстроте своих способностей, скоро оставил позади себя всех своих сверстников и соучеников, подобясь птице быстроекрылой, которая без большого труда легко пролетает повсюду, стремительностью полета удобно рассекая воздух.

Был он к тому же добр нравом, в обхождении и беседах приятен и красив лицом, отчего всем был любезен, у всех был на языке и почитался всеми за некое диво. Скоро стал он известен и самому царю Максимиану, который в то время жил в Никомидии и жестоко преследовал христиан, — сжег двадцать тысяч святых мучеников в церкви, в день Рождества Христова, убил святого Анфима-епископа и многих других через различные муки разным предал смертям. Во дворец этого мучителя, как придворный врач, часто приходил Евфросин, и к самому царю, и к другим придворным лицам. Приходил с ним туда и отрок Пантолеон, и все дивились красоте его, благонравию и разуму. Не пропустил его без внимания и царь, когда увидел его при сем однажды, но, подозревая к себе, расспросил, кто он, откуда и чей сын; и уведав все, повелел учителю его поскорее и поусерднее обучить его всему врачебному искусству, имея в мысли взять его к себе во дворец, как достойного предстоять царю и служить. В те дни был там, в Никомидии, некий старец-пресвитер, по имени Ермолай. Он с некоторыми христианами укрывался, страха ради нечестивых, в одном малом и невзрачном доме. Пантолеону, когда он шел к учителю своему и возвращался домой, путь лежал мимо этого малого дома, в котором укрывался Ермолай. Старец, видя часто Пантолеона, когда он проходил мимо, и по внешнему его виду, по поступи, движениям, взору очей прозревая внутреннюю доброту его души, как по раковине узнают кроющуюся в ней жемчужину, уразумел, что

он имеет быть избранным сосудом Богу, и достойным труда делом почел уловить такую душу. Почему однажды, когда обычно следовало юноше проходить мимо, вышел старец из дома навстречу ему и упросил зайти к себе на малое время. Юноша, смиренный и благопослушливый, охотно вошел к старцу, ничтоже сумняшеся. Старец, посадив его близ себя, начал спрашивать о роде его и родителях, о том, какой он веры и о всей жизни его. Юноша все рассказал ему подробно и поведал, что мать его, бывшая христианкою, умерла, а отец жив еще и, по эллинскому обычаю, почитает многих богов. При сем спросил его святой Ермолай: «Ты же, чадо доброе, какой части и какой веры желаешь быть, отчей или матерней?» На это Пантолеон ответил: «Мать моя, когда была жива, научила меня своей вере, и я желал бы ее веры; но отец, как большую имеющий власть, заставляет меня жить по его вере, желая при том доставить мне место при дворе».

«А какое учение проходишь ты?» – спросил старец. Юноша отвечал: «Я изучаю Асклепиево, Гиппократово и Галеново искусство. Так угодно отцу моему; но и учитель мой удостоверяет меня, что если я научусь этому как следует, то силен буду излечивать всякую человеческую болезнь и с помощью этого искусства преодолевать всякое страдание тела нашего». Эти слова подали святому Ермолаю повод к спасительной беседе, и он начал в сердце юноши, как в добрую землю, сеять семя Божественных словес, и, как в добрый сосуд, вливать Божественное миро веры, говоря: «Поверь мне,

добрейший юноша, истину тебе говорю, что это Асклепиево, Гиппократово и Галеново искусство малозначительно и что средства, им предлагаемые, не во многом могут помогать употребляющим их; да и самые боги, которых царь Максимиан, отец твой и прочие эллины почитают, суть пустые басни, легких умов праздное изобретение, и помогать они нисколько ни в чем не могут. Един же есть истинный и все-сильный Бог, Господь Иисус Христос, в Которого если уверуешь, то одним призванием всесвятого имени Его будешь прогонять всякие болезни. Он слепым подавал прозрение, мертвым – воскресение, прокаженным – очищение, демонов же, которым Максимиан и все эллины поклоняются, единым словом и повелением изгонял из людей. И не только Сам Он, но и одежды Его цельбоподательны были; ибо жена, кровотечением 12 лет страдавшая, как только коснулась воскрешения одежды Его, тотчас получила исцеление. Но кто может чудесные Его дела исчислить подробно? Исчислять Его великие и дивные дела то же есть, что исчислять песок морской, звезды небесные и капли водные. Он и ныне присущ рабам Своим, как сподобник и помощник им непобедимый; утешает в печалях, избавляет от бед, дает исход находящимся в тесных обстоятельствах; и все сие творит, не ожидая молитв и прошения, но предваря самое уготовление к тому сердца. И не только это, но и боящимся Его Он дает силу чудодействовать, и притом в большей мере, нежели Сам чудодействовал, завершая сие дарованием жизни вечной в слав-

ном Небесном Царствии Его».

Всем сим словам, как добрая земля, прирав в сердце свое и сокрыв их в нем, Пантолеон поверил, как истинным, и сладко поучался в них умом своим. Старцу же сказал: «Все это я часто слыхал от матери своей и нередко видал ее молящуюся и призывающею Бога, Которого ты проповедуешь». С сего времени Пантолеон каждый день заходил к старцу-пресвитеру, наслаждался добрыми его беседами, и все более и более утверждался в святой вере Христовой. Всякий день ходил он к учителю своему врачу и, возвращаясь от него, не прежде входил в дом свой, как усладив наперед слух свой душеспасительными словесами старца.

Случилось ему однажды, возвращаясь от учителя своего Евфросина, немножко уклониться с пути по какой-то нужде; и видит он отрока мертвого и подле него находящуюся ехидну, как бы в показание, кто совершил убийство: очевидно было, что эта гадина ужалила его, и он умер. Страх объял Пантолеона, и он немного отступил назад; но скоро потом пришел в себя и помыслил: вот верный случай искусить и делом удостовериться, воистину ли неложно сказанное старцем Ермолаем. Помыслив сие, он воззрел на небо и сказал: «Господи Иисусе Христе, хотя я и недостоин призывать Тебя, но если благоволишь, да буду раб Твой, яви силу Твою, и сотвори, да во имя Твое отроча оживет, ехидна же мертва да будет». И тотчас как бы от сна отрок восстал живым, а ехидна расселась пополам и пала мертвою.

Тогда Пантолеон, в совершенную пришедши веру во Христа, возвел свои душевные и телесные очи на небо и благоговел Богу, со слезами и радостью благодаря Его, что извел его из пагубной тьмы в свет ведения спасительной истины. Затем, не будучи более в состоянии удерживать в себе объявшую его духовную радость, течет к святому Ермолаю, рассказывает ему бывшее, как мертвый отрок ожил силою имени Иисуса Христа и как смертоносная ехидна пала мертвою, – и просит у него себе Божественного крещения. Слыша это, святой Ермолай, встав, пошел с ним посмотреть издохшую ехидну и, видевав, возблагодарил Бога, что благоволил совершить такое чудо и им привел Пантолеона в совершенное Себя познание; возвратясь же в дом, окрестил юношу во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, и, совершив святую литургию во клети своей, причастил его Божественных Тайн Тела и Крови Христовых.

По принятии святого крещения Пантолеон пробыл у старца Ермолая семь дней, помазанными его словесами орошая сердце, утучняя душу и чрево исполняя реками благодатными, по слову Господа: реки от чрева верующего потекут воды живы в обильнейшее приношение духовных плодов на благо верующим всем, благодатью Христовою. Когда же настал восьмой день, приходит он к отцу своему. Отец, увидев его, спросил: «Где был ты, сын мой, столько дней пред этим? Я был в большом о тебе беспокойстве, не случилось ли с тобою что неожиданное и нежелаемое?» Он ответил: «Одного

из царедворцев схватила тяжкая болезнь, и мы, я и учитель, ходили за ним. Как он очень любезен царю и достоин всякого попечения, то нам неудобно было оставить его, и мы пробыли при нем семь дней, пока он совершенно не выздоровел». Сказал же это Пантолеон не как лжелюбек, но как притчею таинственно и гадательно истину прикрывая, которую не пришло еще время прямо открыть отцу. Под учителем разумел он не Евфросина, а Ермолая-пресвитера, дворцом царским называл ту внутреннюю клеть, в которой совершалась Божественная тайна, а больным – душу свою, небесным Царем любимую, которая духовным врачевством была целима семь дней. Когда после того на другой день пришел он к учителю своему Евфросину, спросил его и тот: «Где был ты столько дней?» Он ответил: «Отец мой купил село и посылал меня принять его; мне нельзя было отлучиться оттуда, и я поневоле умедлил там, пока не осмотрел со вниманием всего купленного; оно драгоценно и никакое другое стяжание не может идти в сравнение с ним». И это рек он иносказательно, разумя св. крещение, которое приял, и прочие таинства святой веры, которые уведен и которым цены нет, – так как они стяжаны Кровию Христовою. Услышав это, Евфросин не стал спрашивать его более.

После сего внешние дела потекли обычным чередом; внутренне же блаженный Пантолеон, исполнен будучи благодати Божией и нося в себе сокровище святой веры, весь объят был заботою об отце, о том, как бы извести его из тьмы

идолобесия и привести в свет познания Христова, желая за рождение от него по плоти, поелику не мог воздать равным, воздать несравненно большим – возрождением духовным. С этою целью не упускал он ни одного случая, будто мимоходом, предлагать ему неудоборешимые вопросы, относительно идолопочитания неудоборешимые, и тем мало-помалу колебать его приверженность к идолопоклонству. Так говорил он ему: «Отче! Отчего это боги стоячие, как сначала поставлены были, так и доселе стоят и никогда не садятся, а те, которые сделаны сидячими, доныне сидят и никто никогда не видал их вставшими?» Слыша такие и другие подобные сим вопросы, отец недоумевал, как их разрешить, и начал понемногу колебаться в своем о богах высоком мнении и охлаждаться к почитанию их; что видяще, святой Пантолеон радовался, величал имя Иисуса Христа и благодарение Ему воссылал, что, по крайней мере, колеблющимся сделал Он отца его, раздирающим свое сердце (Ос. 10: 2) и уже не приносящим, как обычно, обильных жертв идолам.

На первых порах святой Пантолеон порывался было не раз сокрушить и истребить всех отцовых идолов, которых по дому было много; но удержался, не желая раздражать отца, так как тот очень дорожил ими. «Лучше, – говорил он себе, – я убеждением, кротостью и терпением доведу его до уверования во Христа, и тогда мы оба вместе истребим их». За такие чувства к отцу Даровавший заповедь чтить отца, приняв как жертву Себе Самому эти сыновние чувства Пантолеона, ско-

ро доставил ему случай, – и отца своего тихо и кротко привести к вере, и самому себе стяжать великую награду. Ибо между тем, как Пантолеон так определился в мыслях своих, приходят к нему некие, ведя с собою слепца; стучат в дверь и спрашивают, дома ли Пантолеон, врач; узнав же, что дома, ожидают его. Тот, услышав, что пришли имеющие к нему нужду, вышел к ним с поспешностью, пригласив с собою и отца. Увидев же слепца, спросил, что ему нужно. Тот сказал: «Света ищу, которого лишился и которого слаще ничего нет для людей. Смилуйся над моим несчастьем и не оставь меня жить такую несовершенною и как бы половинчатою жизнью, но дай видеть солнце, потому что в таком положении мы, живые, ничем не лучше сущих во аде. Все врачи, какие есть в этом городе, лечили меня и не только никакой не принесли пользы, но лишили и того малого света, который еще оставался у меня. Я все истратил на этих добрых врачей, а от них получил вместе с потерей имения потерю и зрения. Сжался же надо мною». Святой Пантолеон сказал ему: «На других врачей ты все истратил, никакой не получив пользы; мне же что ты дашь, если я уврачую тебя, и ты опять станешь видеть?» – «Все, что еще осталось у меня, тотчас положу к ногам твоим», – ответил тот. На это Пантолеон сказал: «Дар зрения Бог, Отец светов, подаст тебе чрез меня, недостойного раба Своего; а что обещал ты мне – раздай ты бедным, когда возвратишься отсюда здоров».

Услышав это, отец его стал отклонять его от такого начи-

нения, говоря: «Сын мой возлюбленный! Не берись за дело, которого совершить не можешь, чтобы, в случае неуспеха, не быть осмеяну. Ибо что можешь ты сделать более тех превосходящих тебя опытом врачей, лечивших его и не могших вылечить?» Пантолеон ответил ему: «Что я хочу употребить для этого человека, того не знает ни один врач; между нами и учителем, научившим меня сему, большое расстояние». Подумав, что он говорит это об Евфросине, отец сказал: «Я слышал, что и учитель твой лечил этого человека, и ничем не помог». На это Пантолеон так отозвался: «Подожди немного, отец мой, и само дело покажет, истинна ли моя уверенность в успехе». Сказав сие, коснулся он очей слепого и, призвав имя Христа Господа, помолился об исцелении его и сказал: «Во имя Господа Иисуса Христа, просвещающего ослепленных, прозри и виждь». И тотчас отверзлись очи его, и он прозрел. В тот час уверовал во Христа Евсторгий, отец Пантолеонов, и явно исповедал веру свою; уверовал в Господа и прозревший слепец, двойное получив про зрение, вместе с телесным – и душевное; ибо слепотствовал и душою, будучи усердным поклонником идолов. Оба уверовавшие тогда же получили крещение от пресвитера Ермолая и были сопричислены к сонму верующих. И исполнились все радости духовной о благодати и силе Иисуса Христа. Но на этом не могла остановиться ревность по вере Евсторгия, как отца великого Пантолеона. Движимый ею, спешил он показать, сколь искренно возненавижено им прежнее заблуждение, и начал

сокрушать всех бывших в доме его идолов, в чем помогал ему и Пантолеон. Сокрушив всех и раздробив на мелкие части, ввергли они их в глубокий ров и засыпали землею, как достойных всякого забвения.

Через некоторое время после этого умирает отец Пантолеонов, умирает смертью телесною, так как от душевной избавился уже он чрез веру и святое крещение. А Пантолеон, получив, таким образом, свободу к удовлетворению давнего своего желания отрешиться от всего, всех домочадцев своих отпустил на свободу, щедро одарив каждого, а прочее оставшееся ему от отца имение пошло по рукам бедных, больных, вдов, сирот, убогих и иждивалось на страждущих за веру. Начал он обходить темницы и узилища, доставляя содержащимся в них все потребное, требующих исцеления исцелял и нуждающимся давал возможность забывать о своей бедности. То же и по городу – все получали от него неоскудную помощь и потребное врачевание, в чем наипаче споспешествовала ему благодать Божия. Ибо свыше дан был ему дар исцелений, и он исцелял не обычными только врачевствами, но наипаче призыванием имени Иисуса Христа, – и исцелял всех безмездно. И обратился к нему весь город со своими больными, оставив других врачей; потому что ни от кого не получалось такого скорого и совершенного исцеления, как от Пантолеона, не бравшего при том никакой платы. За это славилось имя милостивого и безмездного врача во всем народе, а к прочим врачам все относились презрительно, а

не с похвалами. Отсюда восстала большая зависть и немалая ненависть к безмездному врачу от других врачей, которые и начали подыскивать случай, как бы умалить и посрамить его.

Этот случай подал им прежде исцеленный Пантолеоном слепец. Проходил он как-то мимо некоторых из них. Взглянув на него, они говорили друг другу: «Не тот ли это слепец, которого мы лечили и не могли излечить очей его? Как же он ныне видит? Кто вылечил его? Каким врачевством и как мог он этого достигнуть?» Подозвали исцеленного и спросили: «Как ты ныне видишь? И кто помог тебе?» Тот не утаил истины и не скрыл целителя, но прямо сказал, что исцелен Пантолеоном. Услышав это и зная, что Пантолеон был учеником Евфросина, они сказали: «Поистине, у великого учителя – велик и ученик», – исповедав таким образом величие Христа Господа, хотя и не знали Его, ибо Пантолеон Его был паче ученик, чем Евфросинов. Но хотя и сказали они так, сердце, однако ж, их томилось от зависти, и они стали искать случая, как бы оговорить его пред царем. Увидев же, наконец, что он ходит в темницы к заключенным там за веру, и особенно уведав, что он всячески им помогает и исцеляет их, они приступили к Максимиану-мучителю и сказали: «Царь! Тот, кого ты велел научить всей врачебной мудрости, желая иметь его при себе в своих палатах, этот юноша теперь, и благоволение к нему твое ни во что вменяя, и страха к тебе никакого не питая, ходит по узилищам и лечит узников, хулителей богов наших, не только одинаково с ними о вере

мудрствуя, но и других увлекая к таким же верованиям. И если ты скоро не погубишь его, то немалую от него себе печаль приготовишь, ибо увидишь, как многие, прельщенные его учением, отвратятся от богов и свое от болезней излечение будут относить не к Асклепию, а ко Христу, как и делает этот лечитель, и все верят ему». Сказав это, они прибавили: «Если хочешь, царь, вполне удостовериться в истине сказанного нами, повели призвать слепца, недавно исцеленного Пантолеоном».

Тотчас слепец исцеленный призывается и вводится пред царя. Царь спрашивает его: «Скажи ты нам, как Пантолеон исцелил очи твои?» Тот ответил: «Коснувшись перстами очей моих, призвал он имя Христово, – и я тотчас прозрел, и это прозрение едва ли не предупредило того призвания, всячески же оно так скоро последовало, что мне и на ум не могло прийти, чтоб тут имело место какое-либо врачебное искусство». – «Теперь же, как тебе это представляется, – спросил царь, – Христа ли признаешь ты исцелившим тебя, или богов?» Тот ответил: «Царь! Суд об этом произносят сами дела. Вот эти врачи, которых ты видишь стоящими здесь, много трудились надо мною, но сами они получили от этого немалую пользу, истощив мою казну, которую, впрочем, я охотно иждивал, в надежде увидеть свет, – надежде, которая, увы, оказалась тщетною; мне же никакой они не принесли пользы, а, напротив, более повредили, расстроив и ту малую силу зрения, которая еще оставалась во

мне, и сделав меня совершенно слепым. Пантолеон же одним призыванием имени Христова возвратил мне зрение. Сам теперь рассуди, государь, кого следует мне почесть истинным помощником, Асклепия ли, многими призывавшегося и немало не помогшего, или Христа, призванного одним Пантолеоном, и тотчас даровавшего мне столь всем любезный свет зрения, – это, государь, поистине и для слепого очевидно». Максимиан, в изумлении не зная, что сказать против этого, и думая, что для него достаточно повелеть, чтоб склонить к повиновению, проговорил: «Не безумствуй и не произноси мне здесь имени Христова, ибо, конечно, это боги даровали тебе свет зрения». Но тот, более пред истиною благоговея, чем страшась грозности царя, дерзновеннее евангельского слепца, дававшего ответы фарисеям об исцелении его Господом, сказал: «Это ты безумствуешь, царь, называя подателями зрения слепых; подобно им слепотствуешь и ты, думая так и способности не имея видеть света истины». Гнев объял тирана от таких слов. И где было этой душе, развращенной и растленной ласкательными словами притворной лести, снести такой строгий приговор истины? И вот он в ярости повелевает немедленно отсечь христолюбцу голову, – чем, сам того не желая, доставил ему случай мученичеством достойно возблагодарить исцелившего его Христа. И пошел сей добрый исповедник имени Иисуса Христа в немерцающем свете зреть лицом к лицу Того, Кого на земле исповедал за полученный от Него свет зрения. Тело же его святой Пантолеон

купил у убийц и похоронил при теле отца своего, считая их теснее телесного родства родственными по духу, как в одно время и одним чудным делом Господа приведенных к вере в Него.

После сего царь повелел привести к себе Пантолеона, и он, ведомый к нему, воспевал устами своими следующий приличный времени псалом: *Боже, хвалы моя не премолчи: яко уста грешнича и уста льстиваго на мя отверзошася, глаголаша на мя языком льстивым, и словесы ненавистными обыдоша мя, и брашася со мною туне. Вместо еже любити мя, оболгаху мя, аз же моляхся: и положиша на мя злая за благая, и ненависть за возлюбление мое. Помози ми, Господи Боже мой, и спаси мя по милости Твоей. Да облечутся оболгающия мя в срамоту и одеждутся яко одеждою стыдом своим, раб же Твой возвеселится о Тебе* (Пс. 108: 1–5, 26; 29). Когда окончилась эта молитва, предстал он телом пред лицом царя земного, смертного и временного, не переставая в то же время умом предстоять Царю небесному, бессмертному и вечнующему. Царь Максимиан сначала тихо и кротко заговорил к нему: «Недобрые вести услышал я о тебе, Пантолеон, будто ты презираешь Асклепия и прочих богов наших, всю же надежду возлагаешь на Христа, – Того зле погибшего, и Его одного именуешь Богом. Небезызвестно, конечно, тебе, как благосклонно я смотрю на тебя и как, в родственном к тебе расположении, повелел учителю твоему Евфросину как можно лучше и как можно скорее обучить

тебя врачебному искусству, чтоб ты был мне потом полезен в этом. Ты же... Впрочем, люди много иногда говорят лжи и пустяков. Я и призвал тебя в надежде, что из объяснения твоего слышанное мною обличится как пусторечие и клевета завистников, и что ты беспрекословно принесешь великим богам нашим жертву, как подобает».

Пантолеон сказал на это: «Дела, государь, вернее и убедительнее слов. Всему должно предпочитать веру и истину. Но чем выше вера и благочестие, еже к Богу, тем более требуют они осмотрительности и удостоверительности. Верь тому, что ты слышал о мне. Я точно отмечаюсь Асклепия и прочих богов и прославляю Христа Господа; от дел Его познал я, что Он есть истинный Бог. Сей, Которому я поклоняюсь, небо сотворил, землю утвердил, мертвым подавал воскресение, слепым – прозрение, прокаженным – очищение, расслабленным – крепкое оздоровление, и подавал од ним хотением и одним словом; почитаемые же вами боги не знаю, делали ль что подобное, и даже могут ли то делать. Но если хочешь, государь, испытаем и теперь делом, чья вера истинная. Пусть принесут сюда какого-либо больного, неисцелимо болящего, которого излечить отказываются человеческое искусство и руки. Пусть также придут ваши жрецы; и призовем: они первые – своих богов, а потом я – своего Бога, и с призыванием какого бога отбежит болезнь, тот и да будет исповедуем, как единый истинный Бог, и поклонимся Ему, а других богов оплюем и предадим полному забвению». Царю

понравилось такое предложение; и тут виден перст Божий и мановение Божественного Промышления, чтоб вера наша и пред очами врагов предстала несомненно верною, и истина Божия явилась победоносною таким очевидным и осязательным образом.

Царь тотчас повелел поискать такого больного. Нашли и принесли человека совершенно расслабленного, много лет уже прикованного к одру, ни одним членом не могшего действовать и лежавшего, как какое древо бесчувственное. Пришли и суетных богов суетнейшие жрецы и говорят святому Пантолеону: «Призови сначала ты Христа твоего, а потом призовем и мы своих богов». Он же сказал им в ответ: «Нет, вы призывайте прежде – вас больше. Если боги ваши услышат вас и исцелят больного, тогда мне не к чему уже будет призывать Бога моего». Те согласились и начали призывать, кто Асклепия, кто Дия, кто Диану, кто других богов, – несмысленные несмысленно за немислимое и естество превосходящее дело взявшиеся. Ибо чаять им от этого исцеления больного также было неуместно, как немисливо, чтоб идолы их стали чувствовать и говорить. Какое врачевание другим могли подать эти, сами безгласные и глухие? И не подали, несмотря на столь долгое и разнообразное к ним взывание, доказав чрез то самым сим читателям своим, что они суть именно то, чем были, то есть камни. Видя суетность таких трудов, святой Пантолеон усмехнулся. Заметил то царь и сказал ему: «Приступи теперь ты и призыванием Бога тво-

его сделай человека этого здоровым, если можешь». Он приступил и, возведши очи свои на небо и ум свой простерши вслед их туда же, начал молиться, говоря: *«Господи, услыши молитву мою и вопль мой к Тебе да придет. Не отврати лица Твоего от мене, в оньже еще день скорблю, приклони ко мне ухо Твое, в оньже еще день призову Тя, скоро услыши мя»* (Пс. 101: 2–3), и яви неведущим Тебя и чтущим несущих богов, что Тебе, яко царю всемогущему, все возможно, невозможного же для Тебя ничего нет». Так помолившись, взял он за руку расслабленного и воззвал во имя Господа Иисуса Христа: «Восстани и буди здоров». И слово тотчас стало делом. Расслабленный встал крепкий всем телом своим, как бы никогда не болел. Видя такое чудо, многие, идолопоклонническою язвою сокрушенные, вос стали духом и исправились, и, отверг шись прежнего своего заблуждения, уверовали в Господа и к неложному обратились Богу. Скверных же жрецов, неисцелимо болевших идолобесием, не коснувшись свет истины, и они, скрежеща зубами, приступили к Максимиану и распалили его яростью против святого, говоря: «Если оставишь его в живых, забыты будут боги, прекратятся жертвы, в басни превратится верование наше; христиане возьмут над нами верх и будут осмеивать нас; дела их процветут, наше же все поправано будет. Погуби же его как можно скорее». Царь охотно их выслушал и, склонясь на внушение их, снова призывает к себе Пантолеона и, как приманку, употребляя лесть, принимает вид благосклонного и добро-

желательного советчика и говорит: «Послушайся меня, Пантолеон, добро тебе советуящему, и пожри богам; да не погубишь цвета юности твоей. Не видишь разве, что те, которые не согласились это сделать, в воздаяние за то получили тягчайшие муки и самую смерть. Свидетель этому – недавно жалкой умерший смертью Анфим-старец. Я же жалею тебя и не хочу, чтоб ты так зло погиб. Но верно знай, что тебя, конечно, ожидают многие и страшные мучения, если ты окажешь такое же непослушание».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.